

На правах рукописи

ЛАНОВСКИЙ Михаил Феликсович

**ИДЕНТИЧНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА В МИРЕ СОВРЕМЕННЫХ
БИОТЕХНОЛОГИЙ**

Специальность 09.00.13 - философская антропология, философия культуры

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени

кандидата философских наук

Москва - 2018

Работа выполнена в секторе гуманитарных экспертиз и биоэтики
Федерального государственного бюджетного учреждения науки
Института философии Российской академии наук

Научный руководитель:

доктор философских наук, профессор,
Тищенко Павел Дмитриевич

Официальные оппоненты:

доктор философских наук, профессор
кафедры философской антропологии
Московского государственного
университета имени М.В. Ломоносова,
Козолупенко Дарья Павловна

кандидат философских наук,
доцент кафедры фундаментальной
медицины Института медицины и
психологии Новосибирского
государственного университета,
Сидорова Татьяна Александровна

Ведущая организация:

Волгоградский государственный
медицинский университет, кафедра
философии, биоэтики и права

Защита диссертации состоится «24» мая 2018 г. в 15-00 час. на заседании Диссертационного совета Д.002.015.01 при Федеральном государственном бюджетном учреждении науки Институте философии Российской академии наук по адресу: 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д.12, стр.1, комн. 313.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института философии РАН и на сайте Института философии РАН (<https://iphras.ru/page29656388.htm>).

Автореферат разослан «__» _____ 2018 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат философских наук

Б.О. Николаичев

Общая характеристика работы.

Актуальность исследования определена, во-первых, всё более интенсивным проникновением философской рефлексии в виде этических, методологических и онтологических теоретических подходов в сферу медико-биологического знания и биомедицинских практик, в сферу биотехнологий, как своеобразную «зону напряженности» и «зону роста» современной науки и техники и знаний о человеке. Биотехнологии, как и биоэтика, имеют одно общее измерение, а именно - междисциплинарность. При этом биотехнологии имеют «структурные особенности»¹, генерирующие и «цивилизационные риски» (Г. Йонас), и «экзистенциальные угрозы» человеку. Прогресс биомедицинских технологий вызывает кризис традиционных форм идентичности человека. Во-вторых, тем обстоятельством, что за последние десять-пятнадцать лет по проблемам биотехнологий, моральных коллизий, возникающих в связи с их развитием и внедрением, и идентичности человека проведено немалое число исследований (как в нашей стране, так и за рубежом), в которых оформлены современные направления антропологической проблематики. Многообразие точек зрения, обнаруживаемое в биоэтике как способе философско-антропологической рефлексии, требует осмысления и выделения общих тенденций. Актуальность исследования определяется также и тем, что дискурс о природе и идентичности человека в современности испытывает влияние различных социокультурных тенденций (глобализма, традиционализма, прогрессизма, сциентизма и др.) и различных акторов. Обращение к теме идентичности человека в связи с биотехнологиями обусловлено и тем, что биомедицинская наука и практика, прецеденты биомедицины порождают сферу специфических критических дискурсов, отражающих многообразие философских и мировоззренческих позиций.

¹ См.: Тищенко П.Д. Этические проблемы развития биотехнологий//Биоэтика и гуманитарная экспертиза. Вып.2. ИФРАН, 2008. Стр.55-82.

В результате постановки разноплановых целей и задач (с позиций философской антропологии, социальной философии, философии науки и техники) выработаны новые методологические подходы в сфере антропологической проблематики, расширен спектр направлений исследования идентичности, а главное, введены такие теоретико-познавательные конструкции как «практики самоидентификации», «структуры идентичности», «эталоны самоидентичности», «базовые элементы человеческой идентичности». Многообещающие достижения биотехнологий и их экспансия в жизнь современных обществ породили особый вид критики или исследования рисков. Особенность этой критики в том, что она, так сказать, «многослойна», то есть высказывается с позиций различных научных дисциплин (естественных и гуманитарных), с самых разных мировоззренческих позиций (секулярного и религиозного мировоззрения), с позиций множатых частных картин мира. Общее во всей этой многоголосице то, что представители каждой позиции в рациональном ключе пытаются оформить определенные антропологические интуиции, которые не лишены оснований. В итоге, к настоящему времени сформировался пласт междисциплинарных исследований, содержащих разноплановую критическую рефлексию биотехнологий человека, биомедицинских практик и прецедентов решения моральных проблем в сфере биомедицины. Они обладают эвристическим потенциалом и дают основания к выработке социально-философских и философско-антропологических концепций идентичности, актуальных в 21-м веке. В исследовании предложен биоэтический модус решения проблемы идентичности, который выступает как вариант междисциплинарного подхода. Данная проблема становится ещё более острой в связи с распространением идей трансгуманизма и конструктивизма самого радикального толка, как в нашей стране, так и за рубежом. Указанное положение дел обуславливает актуальность исследования, как в теоретическом, так и в практическом плане.

Постановка проблемы. Вторая половина 20-го и начавшийся 21-й век ознаменованы все нарастающей динамичностью и сложностью антропологического кризиса: техногенная цивилизация и глобализация выхолащивают до сей поры устойчивые формы человеческого существования и самопонимания. К концу 20-го века оформилось перенесение «инженерного» подхода с природы на человека, и не только в социальном плане, но и в биологическом. Однако биоэтика как вид антропологического знания (и как выразитель постнеклассической междисциплинарной методологии) обнаружила здесь парадоксы и проблемы. Манипулируя и трансформируя, обращаясь (и при том с благими целями) со структурами вполне материальными, биологическими, биотехнологии затрагивают и трансформируют структуры иного уровня; обнаруживаемые проблемы отсылают к «метафизической проблеме» человека, нерешенность которой и выясняется таким «окольным» путем. Биотехнологии, решая практические задачи в отношении *здоровья* человека, меняют то, что, как оказывается, имеет прямое отношение к *природе* человека (в том числе и в метафизическом смысле). Выделяемые структуры относятся к таким разным сторонам бытия человека как жизнь и смерть, телесность и ментальность, социальность и индивидуализм, природная случайность и необходимость. Рассматриваемые по отдельности они характеризуются как основания идентичности и самоидентичности человека. В философской традиции термин «идентичность» синонимичен термину «самосознание» и также означает установление отношения тождества субъекта с определенными феноменами, инстанциями. Наиболее устоявшимися концептами являются индивидуально-психологическая и социально-культурная идентичности. Но поскольку методологически корректно подходить к идентичности только как к «искусственно вычленяемой целостности»², мыслимому образованию, то этот конструкт может видоизменяться в зависимости от оптики той или иной теории, а также социально-культурной атмосферы эпохи. В рамках данного исследования

² В.С. Малахов. Неудобства с идентичностью//Вопросы философии 1998, № 2. С. 43-54.

проблема состоит в том, чтобы установить какие элементы структуры идентичности проблематизируются и, в то же время, оформляются в целостную идентичность под воздействием концепта биотехнологий, и в какой антропологической и социально-философской перспективе выстраивается так называемая «постчеловеческая идентичность». При этом биоэтика как вид антропологического знания имеет ряд преимуществ: во-первых, она сохраняет связь с метафизикой, что в наибольшей мере свойственно абсолютистским теориям морали (религиозной этике и этике И. Канта), где принципы и законы устанавливаются априорно. А также сохраняет эту связь *настолько, насколько* нормативно-аксиологические основания других систем морали коренятся в области сверхчувственного, умопостигаемого мира и не могут быть даны как факты или конвенции. Во-вторых, она обращается к данным естественнонаучного познания человека и, в-третьих, обнаруживает проблемы, занимаясь, в конечном счете, анализом общественно-исторической практики, а именно: клинической

3

медицины, систем здравоохранения и их социально-гуманитарного аспекта, а также трансформаций социально-правовой сферы. Поэтому и философские решения этих проблем имеют непосредственную практическую значимость. Также теоретический и практический интерес представляет исследование современных социально-философских доктрин, поскольку философские модели общества и человека взаимосвязаны.

Степень разработанности проблемы. Первые обращения к понятию и теме идентичности, правда, выраженной тогда через фундаментальное понятие тождества, обнаруживаются в античной классике - у Платона. В дальнейшем понятие тождества в онтологическом и гносеологическом аспектах получило трактовку в философии Декарта, Лейбница, Шеллинга. Джон Локк предложил антропологическую трактовку тождества, ставшую основанием для последующих социально-этических концепций идентичности. Но как самостоятельная проблема

Здесь на первый план выходят проблемы «распределения ресурсов» и «распределения рисков».

философской антропологии проблема идентичности оформилась лишь в XX веке. Проблема идентичности и самоидентификации человека за последние десятилетия получила довольно разностороннюю разработку как в кругу западной, так и отечественной философской мысли. При этом наряду с уже устоявшимися подходами в исследовании этого предмета (психологическими и социологическими), появляются всё новые. К настоящему времени проблема идентичности человека в связи с биотехнологиями приобрела довольно большую значимость и исследовательский интерес на Западе и пока ещё несколько меньший в России. В изученной нами отечественной и зарубежной литературе некоторые стороны этой проблемы уже подвергались обсуждению и закрепились в статусе основных тем биоэтики (к примеру, моральные проблемы репродуктивных технологий), однако развитие науки, техники и философской рефлексии обнаруживает все новые горизонты проблемы идентичности.

В философско-методологическом плане мы опирались на фундаментальные разработки отечественных философов - И.Т. Фролова, А.А. Гусейнова, В.С. Степина, Б.Г. Юдина, В.Г. Борзенкова, Р.С. Карпинской, А.П. Огурцова, А.В. Олескина, а также их зарубежных коллег (Э. Агацци, Г. Йонаса, М. Фуко).

На формулировку темы исследования и специфику её обсуждения значительное влияние оказали работы П.С. Гуревича, В.А. Подороги, В.С. Малахова, Ф.И. Гиренка, С.С. Хоружего, Д.П. Козолупенко, А.Я. Иванюшкина, О.В. Поповой, М.В. Заковоротной, Г.Л. Тульчинского, В.А. Кутырева, Е.О. Труфановой, И.В. Дуденковой. Проблемы технического покорения и преобразования природы и человека ставились в работах О. Хаксли, Л. Мамфорда, Ф. Арьеса, М. Мерфи, Л. Пейер, Дж. Агамбена. Значимыми в рамках нашего исследования оказались концепции идентичности Дж. Г. Мида и И. Гофмана, а также Э. Гидденса и Э. Эриксона, Ю. Хабермаса и П. Рикёра.

Значимую роль в исследовании играют идеи экзистенциальной философии и философской антропологии, идеи М. Хайдеггера, Х. Плеснера, Э. Фромма и Э. Финка.

Проблематизации идентичности человека под воздействием биотехнологий посвящены работы П.Д. Тищенко, А.Я. Иванюшкина, Т.А. Сидоровой, Д.В. Михеля, Т. Мещеряковой, О.В. Поповой, М. Кожевниковой, Ю.В. Хен; Фр. Фукуямы, Дж. Глэда, Ю. Хабермаса. Социальные, правовые и философские проблемы применения биомедицинских технологий получили освещение в работах С.В. Полубинской, Н.Н. Седовой, С.И. Колесникова, Вал. А. Лукова, Ю.С. Савченко, а также обсуждались в многочисленных работах зарубежных авторов .

При обсуждении и анализе моральных коллизий, возникающих в результате терапевтических или улучшающих биомедицинских вмешательств, а порой и в ситуации футурологических биотехнологических проектов изменения человека, учитывались аргументации Л.Л. Киселева, Т.Ю. Денисовой, И.В. Силуяновой, В.С. Репина, Л.А. Резниченко, Е.И. Кириленко. В рамках исследования оказались значимы идеи, сформулированные Мишелем Фуко в работах «Герменевтика субъекта», «Рождение биополитики» и ряде статей, поскольку философия человека у М. Фуко опирается на реализм и выстраивается в ходе анализа полифонии властных дискурсов, которые формируют «управляемые тела». Так, антропологическая проблематика кристаллизуется на пересечении

4

Jan-Christoph Heilinger. The debate about 'human enhancement' and its anthropological dimension// *Medicine Health Care and Philosophy* (2010) 13:177-179; Bert Gordijn, Wim Dekkers. Human nature, medicine & health care // *Medicine Health Care and Philosophy* (2009) 12:119; David DeGrazia. Enhancement technology and Human Identity//*Journal of medicine and philosophy* (2005) 30:261-283; Bert Gordijn, Wim Dekkers. Technology and the self// *Medicine Health Care and Philosophy* (2007) 10 (2):113-114; Stephen A. Phillips. Human germline genetic enhancement and C.S. Lewis's *The abolition of Man*// *Ethics and Medicine* (2012) 28(2):115-123; Brodwin P. Genetics, Identity and the Anthropology of Essentialism// *Anthropological Quarterly* (2002) 75:323 – 330; Hub Zwart. Genomics and identity: the bioinformatisation of human life// *Medicine, Health Care and Philosophy* (2009) 12: 125-136; Janet Malek. Identity, Harm and the Ethics of Reproductive Technology// *Journal of Medicine and Philosophy*, 2006, 31:83-95.

социологического, политического и экономического анализа. Значительное влияние на постановку проблемы и подходы к её решению оказали ряд идей Юргена Хабермаса. К ним относятся, в первую очередь, критика сциентизма и доктрины «технического распоряжения», которые пронизывают экономику, политику и, как показывает немецкий философ в поздних работах, частную сферу, а также социально-этические идеи, связанные с теорией коммуникативного действия, которые находят свое применение в регуляции биотехнологий и прояснении вопроса об идентичности человека.

Объект исследования - философско-антропологические проблемы биотехнологий как практики и как научного концепта. Смысл выделять биотехнологии как научный концепт представляется в следующем. Биотехнологии являются, так сказать, синтетическим видом знания: в них сплавлены фундаментальная наука, прикладные исследования, те виды знаний, которые получены в ходе так называемых case studies, различные виды инженерных знаний и разработок, а главное, большую роль играет «инженерный подход». Именно с инженерным подходом более всего связана суть биотехнологий. Применяя термин «научный концепт» подразумевается, что биотехнологии являются не только ведущим замыслом в современной научной-технической деятельности, но и выступают уже на идеальном уровне, уровне общественного сознания как руководящая идея инженерии чего-бы то ни было, и главным образом человека и его бытия. Ярким примером является генетическая инженерия и связанные с ней репродуктивные технологии и технологии «улучшения» человека (human enhancement).

Предметом исследования являются структуры идентичности человека, концептуализируемые и проблематизируемые в связи с развитием и распространением биотехнологий и биотехнологического дискурса. Эти

структуры могут быть названы стержневыми, во-первых, в силу того, что они чаще прочих предстают предметом острых дискуссий, во-вторых, подвергаемые осмыслению под воздействием концепта биотехнологий, они оформляются специфическим современным способом отношения к природной и социальной реальности. В этом способе сочетаются сциентизм, утилитаризм, конструктивизм и деконструктивизм.

Цель и задачи исследования состоят в том, чтобы в ходе философско-антропологического анализа биотехнологий и следствий их практического применения определить структуры идентичности человека, которые можно рассматривать как стержневые (или базисные). На наш взгляд, они являются точками приложения сил деконструкции и конструкции, и вокруг них выстраивается так называемая «пост-человеческая идентичность». В связи с этим нами были поставлены следующие **задачи**: **1)** проанализировать философские стратегии исследования идентичности и определить их эвристический потенциал; **2)** провести рассмотрение современных биотехнологий человека в естественно-научном и философско-антропологическом аспектах с целью указания возможных рисков; **3)** исследовать биоэтическую полемику по проблеме применения биотехнологий на предмет обнаружения и концептуализации стержневых структур идентичности; **4)** определить социокультурную детерминацию биотехнологий и индивидуальной идентичности человека; **5)** указать возможные варианты оформления идентичности человека на основе выделенных стержневых структур, то есть конфигурации самосознания под давлением социокультурных факторов.

Методология исследования. Набор методов нашего исследования обусловлен общетеоретическими положениями философско-антропологических исследований, спецификой темы и вышеперечисленными задачами. Применялись

⁵ Сразу оговоримся, что в рамках нашего исследования мы не вводим нового понятия и применяемое выражение «стержневые структуры» рассматриваем как синонимичное уже применявшимся выражениям «базисные структуры», «основные структуры».

анализ литературных источников, сравнительный анализ философских стратегий исследования идентичности, приемы логического анализа, метод научной абстракции. В социально-философском плане исследования мы обращались к феноменологическому методу, в философско-антропологическом плане мы использовали структурный метод, диалектический метод и междисциплинарную методологию в модусе биоэтики. С учетом многомерности человека как объекта исследования и многообразия естественных и гуманитарных наук его изучающих, а также осознавая, что трансформации этого объекта тесно связаны с социокультурной динамикой, мы опирались на методологию комплексных исследований, предложенную академиком И.Т. Фроловым. Сложилось так, что отечественная философская и педагогическая традиция, учитывая диалектику биологического и социального (*природы и культуры, врожденного и приобретенного*), ведущую роль все же отводила социальным факторам. И у этого были серьезные социокультурные и политические причины. Полагаем, что корректнее будет истолковывать изменения как в сфере методологии человекознания, так и в сфере практического приложения полученных знаний так, как это предлагает Б. Г. Юдин. То есть видеть здесь своего рода маятникообразные чередования в смене представлений о ведущем начале в природе человека. «Предпочтение биологического либо социологического истолкования природы человека можно сопоставить с предпочтением различных объяснений этих перемен в общественных умонастроениях»⁶. Это предпочтение имеет историческую обусловленность со стороны очень многих факторов и в том числе, со стороны научно-технического прогресса и его практических реализаций в повседневном мире. В наши дни доминирует биологизаторская точка зрения, которая опирается на передовые научные открытия и поощряема обыденным сознанием. Материалом для исследования послужила биоэтическая полемика, в которой отражаются не только теоретические позиции исследователей, но также и

⁶ Б.Г. Юдин. Современные дискуссии о природе человека: конструктивизм против натурализма/ Философия природы сегодня. М., 2009. С. 499

социальные «запросы» на определенные практики. Наконец, в методологическом отношении необходимо отметить «треугольный метод» и «интегральную концепцию личности» в биоэтике, предложенные В. Тамбоне и Э. Сгреччей, которых мы придерживались в исследовании.

Научная новизна состоит в том, что в исследовании воплощен междисциплинарный подход к проблеме идентичности, который в наибольшей степени релевантен современным способам организации жизни общества, а также позволил бы «укрупнить» антропологический уровень рассмотрения проблемы и установить взаимосвязь социальных и антропологических моделей. Предложен биоэтический модус решения проблемы идентичности, который основан на анализе философско-этической полемики вокруг применения биотехнологий и обращении к конкретным биоэтическим практикам. При этом сделана попытка преодолеть антитетику релятивизма и социального конструктивизма, и субстанциализма и метафизического натурализма. Впервые в отечественной литературе было проведено обобщение и анализ обширного материала, как зарубежных, так и отечественных дискуссий и способов критики (в биоэтике), в центре которых стоит проблема биотехнологического вмешательства в природу человека, и которые (дискуссии) генерируются в разных доменах культуры и выражают разные мировоззренческие установки. На основе междисциплинарного рассмотрения наиболее проблематизируемых биотехнологий человека и биомедицинских практик выделены определенные основания специфически человеческого бытия. Истолкованные метафизическим и неметафизическим способами, эти основания определены как стержневые структуры идентичности человека. Введен концепт «практическая идентичность».

На защиту выносятся следующие положения:

1. Проанализированные теоретические подходы к исследованию идентичности имеют свою специфическую оптику, которая налагает известные ограничения на постижение этого феномена, какие налагает тот или иной тип научного дискурса. В то же время, конвергенция выделенных подходов позволяет сформировать синтетическую концепцию идентичности человека, избегнув недостатков социального конструктивизма и метафизического натурализма.

2. Проблема идентичности человека теснейшим образом связана с философским вопросом о природе и сущности человека. Решение этих вопросов и проблем в рамках парадигмы постнеклассической науки достижимо за счет интеграции методов и знаний социально-гуманитарных и естественных наук, а также анализа технико-технологической практики современных обществ. Биотехнологии являются видом такой практики и способны в наибольшей степени повлиять на биологические и социальные аспекты существования современного человека.

3. Поскольку эффекты биотехнологий проявляются на трех уровнях человеческого бытия - природно-телесном, индивидуально-практическом (экзистенциальном) и социальном, постольку в предложенном нами подходе идентичность человека определяется разноуровневыми элементами, которые формируют определенные структуры. То есть элементами природно-биологическими и их модификациями в социальном мире.

4. Биоэтический модус решения проблемы идентичности основан на адекватной проблематике кризиса идентичности человека междисциплинарной методологии. Анализ биоэтических дискуссий по проблемам биомедицинских технологий показал, что философско-мировоззренческие позиции участников дискуссий (секулярных и религиозных, представителей разных школ) имплицитно содержат ряд общих

онтологических идей и принципов человеческого бытия, которые, несмотря на концептуальные отличия, обеспечивают intersubъективную кооперацию. На основании этих идей и принципов нами определены стержневые (базовые) структуры идентичности человека.

5. На основании рассмотрения биоэтической практики («advance directives») («предварительных распоряжений») можно говорить о «практической идентичности», которая оформляется в единстве познания и коммуникации и центрирована *действием*, осмысляемым из горизонта жизненного мира.

6. Вектор современного развития биотехнологий и биотехнологических вмешательств в жизнь человека задается интенцией конструктивизма-деконструктивизма. В антропологическом плане эта тенденция оборачивается тем, что при посредстве биотехнологий структуры идентичности фрагментируются и произвольным образом конструируются.

7. В перспективе идентичность человека будет формироваться под давлением двух социокультурных факторов. А именно, с одной стороны, в связи с распространением в общественном сознании определенной антропологической модели (*homo oeconomicus*), одной из многих, с другой стороны, в связи с экспансией технократизма в виде биотехнологизма.

Теоретическая и практическая значимость исследования

В теоретическом отношении исследование является дальнейшим развитием междисциплинарной методологии современных философских исследований. Представлена попытка разрешить одну из философско-антропологических проблем с учетом роста научно-технического знания, усложнения социальной динамики современного общества, с учетом ходов мысли классической метафизики и с использованием критического и эвристического потенциала

биоэтики. Материалы и результаты данного исследования могут быть использованы как в рамках академической науки, так и при составлении учебных курсов по антропологической проблематике в рамках культурологии, социологии, философской антропологии и биоэтики. Часть материалов исследования была оформлена автором в виде программы учебного курса «Философские и социологические проблемы биотехнологий» для специальности Сестринское дело.

Апробация работы: основные положения и выводы диссертации обсуждались на семинарах и заседаниях Сектора гуманитарных экспертиз и биоэтики Института философии РАН, были представлены на 1-ой Летней философской школе «Человек в культуре и обществе: проблемы идентичности» 27.06-2.07.2011; Четвертая Школа медицинской антропологии и биоэтики (ИФ и ИЭА РАН) 03.2012; Пятая международная Школа медицинской антропологии и биоэтики 27.02-1.03.2013.

Структура диссертации. Диссертация состоит из Введения, 4-х Глав, Заключения и списка литературы, содержащего 251 наименование.

Основное содержание работы

В **Ведении** определена актуальность темы исследования, его объект и предмет, поставлены цели и сформулированы положения, выносимые на защиту. Особенное внимание уделено методологии диссертационного исследования, поскольку проблема идентичности человека за последние десятилетия стала предметом целого спектра психолого-педагогических и социально-гуманитарных наук, сохраняя и своё философское понимание. При этом в философии была поставлена и неуклонно реализуется задача выработки комплексной методологии постижения человека, которая воплощает *междисциплинарность* постнеклассической науки. В этой методологии акцент делается на конвергенции знаний (не только *научных*) и применении философской диалектики на путях

решения социально-антропологических проблем современности. При постановке и решении проблемы идентичности в свете современного биотехнологического дискурса мы опирались на наследие философской антропологии, а также на ресурсы биоэтики как выразителя междисциплинарной методологии в системе наук о человеке. Биоэтика не только осуществляет критико-аналитическую рефлексию, выявляя, в частности, проблемы кризиса идентичности человека, но и составляет ядро социальных практик, обеспечивающих за счет этико-правового нормирования её (идентичности) стабилизацию. В этом смысле биоэтика выступает характерным примером постнеклассической науки (В.С. Степин).

Глава 1. Стратегии исследования идентичности: философско-антропологический и социально-философский аспекты

В **Главе 1** на основе анализа литературных источников формулируется используемый в диссертации философско-методологический подход, объединяющий две взаимодополняющие стратегии исследования проблем идентичности, порождаемых прогрессом современных биотехнологий: философско-антропологическую и социально-философскую. Помимо этого автор формирует собственный подход к пониманию идентичности в русле философской антропологии.

1.1. Общие положения

В параграфе кратко охарактеризованы две философские стратегии исследования идентичности: социально-философская и философско-антропологическая. К социально-философским стратегиям отнесены те подходы, в которых удерживается оппозиция части (индивида) и целого (общества), но при этом рассматриваются различные стороны их взаимодействия. Таковыми являются концепции И. Гофмана, Дж. Мида, Э. Эриксона. Современное социально-философское познание, при постановке проблемы идентичности, обращается к анализу коммуникации, рассматривая её как

социальный и антропологический феномен. Идентичность в этом случае

10

понимается не как что-то пред-заданное, а как становящееся и манифестирующее в социальных практиках, среди которых первостепенными выступают статусно-ролевые взаимодействия. Философско-антропологический подход к проблеме идентичности отличается тем, что в существенной мере он связан с метафизикой как способом познания человека. Кроме этого, в рамках философско-антропологического подхода тема идентичности стала предметом более глубоких, многогранных, синтетических исследований как это свойственно философии постмодерна (М. Фуко, Ж. Лакан, Ж. Бодрийяр) и других направлений (П. Рикёр, Ю. Хабермас). Наконец, в последней четверти 20-го века появляются исследования в духе «нового натурализма», проводимые философами в союзе с биологами и медиками, в которых идентичность человека стала улавливаться на пересечении разных дисциплин. Далее, в параграфе поясняются способы интерпретации в исследовании основных антропологических понятий «природа человека», «сущность человека», «идентичность». Сложившийся спектр интерпретаций распределен между полюсами биологизма и социологизма. В рамках данного исследования внимание сосредоточено на индивидуальной идентичности в антропологическом аспекте, которая трактуется как установление отношения тождества с набором определенных элементов или констант онтологии человека, распределенных в природном и социальном универсуме. В тех случаях, когда предметом исследования становится индивидуальная идентичность, вполне уместным оказывается субстанциализм, который полагает некую вечную, не меняющуюся субстанцию *человечности*.

1.2. Социально-философские стратегии исследования идентичности

Социально-философские исследования двадцатого века, стремясь постичь сущность социального, всё в большей степени акцентируют своё внимание на

¹⁰ При таком взгляде идентичность будет связываться с метафизически постулируемым понятием «природы человека», которое в свою очередь будет иметь эссенциалистское толкование.

таких категориях как *коммуникация, взаимодействие, социальная практика, конфликтность*, в центре которых стоит человек. С начала XX-го века на Западе было создано немало социологических теорий личности и в их рамках концепций идентичности, среди которых наиболее значимы теории Ч. Кули, Дж. Г. Мида, И. Гоффмана, Э. Гидденса. Концепции Дж. Мида, И. Гоффмана и некоторых других теоретиков квалифицируются как социоцентристские и инструменталистские, поскольку идентичность оформляется в зависимости и для целей статусно-ролевых взаимодействий; она ситуативна и зависит от Других. Как правило¹¹, полагается несколько типов идентичности: социальная, личная, Я-идентичность. В структуре идентичности выделяют «I» и «Me», которые составляют целостное «Self». «Me» это «объективированное Я» и, поскольку оно связано с функционированием в сообществах, с исполнением ролей, то этих «Me» может быть несколько. В формировании идентичности велика роль социального контроля со стороны «обобщенного другого» при посредничестве рефлексивного «Я». Рефлексивность рассматривается как чрезвычайно значимое антропологическое качество, фундирующее идентичность и социальные отношения. Как полагают теоретики этого направления, личность нуждается в *других*, чтобы сформировать и подтвердить свою идентичность. «I» следует понимать как сердцевину личности, уникальное, как способность к творчеству, как самость и ядро субъективности. В нем коренится способность отнестись к себе со стороны. При этом идентичность «Me» (или идентификации) оформляется в ходе своеобразного конфликта между «I» и общественным окружением; важными оказываются процессы социальной дифференциации, социальной мобильности и распространения массовой культуры. С антропоцентристской позиции как базовое принимается положение, что «человек в отношениях с социумом всегда выступает как субстанциальное начало»¹² и приоритет отдается социумом всегда выступает как субстанциальное начало» и приоритет отдается

¹¹ Три типа идентичности фигурируют в работах И. Гоффмана и И.С. Кона; Дж. Мид говорит о двух типах идентичности. См.: М.В. Заковоротная. Идентичность человека. Социально-философские аспекты. Ростов-на-Дону, 1999.

¹² В.С. Барулин. Социально-философская антропология. Человек и общественный мир. М., 2007. С. 143.

уровню повседневности, жизненного мира, который приобрел большое значение в социально философских исследованиях XX-го века. Уровень жизненного мира выступает как полноценный плацдарм для формирования и проявления *индивидуальности, идентичности и самоидентификаций*, поскольку в нем разворачиваются фундаментальные экзистенциальные переживания, «озабоченное» (по М. Хайдеггеру) бытие не только в кругу людей, но и в кругу вещей, Я-центрированный нарратив жизненного повествования, поскольку он (жизненный мир) есть «фон коммуникативных действий» с присущей ему рациональностью (Ю. Хабермас) и способом самопрезентации личностей. Таким образом, в рамках социально-философского подхода выявляются те компоненты и структуры идентичности, которые, во-первых, свидетельствуют о социальной сущности человека, его фундаментальной *диалогичности* в рационально-эмоциональном или предметно-практическом отношении, будь то в сфере формализованных и легкодоступных конструированию ролевых отношений (социоцентризм), или в сфере жизненного мира, более богатой в феноменологическом отношении (антропоцентризм). Во-вторых, обнаруживаются два плана идентичности: внешний («Me») и внутренний («I»), где «I» как субъективность, спонтанность, способность к творчеству и рефлексизирующее начало можно рассматривать как собственно человеческое в человеке. Выделенная социально-философская стратегия исследования идентичности обосновывает подход к анализу кризисных феноменов, поскольку показывает роль конструктивистской риторики идентичности и способствует представлению её как *артефакта*.

1.3. *Философско-антропологические стратегии исследования идентичности*

Философско-антропологические подходы к концептуализации и проблематизации идентичности фундированы в основных типах философских картин человека, которые и задают ту или иную оптику и номенклатуру значимых философских понятий. В целом философские подходы можно подразделить на

генерализующие (рационализм, натурализм, религиозная философия, трансцендентализм) и индивидуализирующие (персонализм, экзистенциализм). К первому направлению относятся также психоанализ и коммуникативная программа. Интегративные тенденции последних десятилетий, императивы постнеклассической науки (В.С. Степин) обусловили то, что биоэтика, как вид современной философско-антропологической рефлексии предложила ряд оригинальных подходов к проблеме идентичности; биоэтика осуществляет попытки реинтеграции идентичности, опираясь на ресурсы естественных наук, а также философской и религиозной онтологии и этики. Среди биоэтических концепций выделены теоретизации Т.А. Сидоровой, П.Д. Тищенко и Ю. Хабермаса. Так, Т.А. Сидорова выделяет репродуктивные технологии, прагматика которых приводит к трансформации идентичности. Как утверждает автор, темпоральная целостность жизненной истории (как «базовая структура идентичности») связана со стихийной жизнью тела, его естественным развитием, изменением. Биотехнологии же устраняют контингенцию тела. Раскрывая специфику социального контекста биотехнологий, П.Д. Тищенко показывает роль конструктивизма, как в отношении рисков биотехнологий, так и в отношении идентичности тех, кто захвачен «био-властью». В современной ситуации «био-власть осуществляется через контролируемый биомедициной «режим истины» идентичности человека - своеобразного смысла "собственно-человеческого в человеке"». Такие экзистенциальные феномены как страдание, спасение, смерть, пропущенные сквозь дискурс биотехнологий, вызывают к жизни «удвоенную субъект-объектную идентичность» современного человека. Философия Юргена Хабермаса базируется на сочетании трансцендентализма, коммуникативной философии и натурализма; в биоэтическом дискурсе Ю. Хабермас часто квалифицируется как «биоконсерватор», что и определяет его видение проблемы биотехнологий и идентичности. Проблемой, с точки зрения немецкого мыслителя, оказываются манипулятивные вмешательства в организменную жизнь, которые с

¹³ П. Д. Тищенко. Био-власть в эпоху биотехнологий. М.: ИФРАН, 2001. С. 41.

позиции натурализма и коммуникативной философии допустимы лишь по отношению к *вещам*. То есть биологические основания человеческой жизни (индивидуальной и видовой) имеют внутреннюю ценность, поскольку связаны с моральными ценностями автономии и свободы. Для решения проблемы идентичности в контексте биотехнологий мы намерены обратиться к философским подходам, схватывающим динамику человеческого существования, но противостоящим релятивизму постмодерна. В качестве таковых мы обратились к философско-антропологическим концепциям Э. Фромма, М. Хайдеггера, Э. Финка, которые рассматриваются как синтез экзистенциализма, трансцендентализма и подхода, акцентирующего прагматику *жизненного мира*. В таком случае структуру идентичности можно представить исходя из рассмотрения таких экзистенциалов как *со-бытие, забота, страх, ужас, опасность несобственного* существования (М. Хайдеггер), бытийных феноменов смерти и труда (Э. Финк), с учетом «экзистенциальных дихотомий», а также социально-исторической обусловленности их разрешения и личностного существования (Э. Фромм). В результате структура идентичности включает в себя феномены вещного, телесного плана, а также способности, цели и ценности, жизненно-практический аспект существования человека. Выделенная философско-антропологическая стратегия исследования идентичности обосновывает наш подход к анализу кризисных феноменов, поскольку опирается на онтологизм, метафизику и натурализм. Представленные в первой главе результаты, создают своеобразную «философскую оптику», использованную в диссертационном исследовании для анализа проблем идентичности, возникающих как следствие новейших технологических достижений в биологии и медицине.

Глава 2. Философско-антропологическое измерение современных биотехнологий.

В **Главе 2** рассмотрены современные биотехнологии в контексте общекультурного процесса XX-XXI века, в связи с развитием науки и техники и

идеологическими течениями. Представлена естественнонаучная сторона биомедицинских технологий, их реальные и абстрактные возможности лечения, улучшения и конструирования человека.

2.1. Биотехнологии как социально-политическое явление

Биотехнологии в своём генезисе связаны как с собственно научными, так и с идеологическими течениями, зародившимися в конце XIX века . В это время началось активное взаимодействие между фундаментальной наукой и сферой практического применения её достижений - сферой техники. На последние десятилетия XIX века приходится расцвет и обособление инженерии как специфической практики, формирование «инженерного мышления» и «инженерного подхода». Успехи техники и инженерии обусловили то, что в 20-30-е годы прошлого столетия в Европе оформляется идейное направление технократов, претендующих на управление в экономике и политике. Формируется своеобразная инженерная оптика восприятия человеческих проблем. С этим коррелирует появление социоцентристских концепций идентичности, которая конструируется в социальных взаимодействиях. В эпоху НТР начала оформляться концепция социальной инженерии, делающая своим объектом человека и его деятельность. На последние десятилетия XIX века приходится появление евгеники, соединявшей в себе науку, идею инженерии и в значительной мере элементы социально-политических утопий. На протяжении первой половины XX века евгенические проекты в той или иной мере находили воплощение в разных странах (США, Англия, Германия), при этом научная сторона дела всегда испытывала давление социально-политических проектов и идеологий. В СССР

14

См.: Социальное проектирование в эпоху культурных трансформаций. М.: ИФРАН, 2008; М. Фуко. Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанный в Колеже де Франс в 1978-1979 гг. Спб.: Наука, 2010; Ю. В. Хен. Евгенический проект: «pro» и «contra». М., 2003; Э.И. Колчинский. Биология Германии и России-СССР в условиях социально-политических кризисов первой половины XX века. - Санкт-Петербург: Нестор-История, 2007; А.В. Олескин. Биополитика. Политический потенциал современной биологии. М., 2007; П. Кендзерек. Биологизация социальных доктрин/ Философия природы сегодня. М., 2009. С. 460-471; Н.В. Попкова. Философия техносферы. М., 2009.

евгенические идеи оказались под запретом так же не по научным, но чисто идеологическим основаниям как буржуазная наука. Именно с генетикой, евгеникой и инженерией в наибольшей степени связаны современные биотехнологии человека как с точки зрения опоры на фундаментальное научное знание и его практическое прикладное применение, так и с точки зрения доктринирования естественнонаучными и социальными утопиями. На пороге XXI-го века в связи с достижениями биологической науки (проект «Геном человека») и технологии оформляется проект «либеральной евгеники» (Ю. Хабермас), как будто бы свободный от государственного вмешательства, однако несущий в себе значительные социально-антропологические риски. В то же время биотехнологии (биометрия, генетическая диагностика, нейрофармакология) попадают в поле зрения политики и становятся её новым мощным инструментом. Иными словами, когда мы анализируем биотехнологии, то не можем судить об их антропологическом смысле и влиянии на идентичность человека, минуя социально-политический контекст, который влияет на конфигурации науки.

2.2. Биомедицинские технологии: власть знания и границы действия

В данном параграфе рассмотрены различные биомедицинские технологии с точки зрения их научной обоснованности и практики применения, но в то же время, и с точки зрения их «слабых мест», обусловленных принципиальной недостаточностью естественнонаучного познания человека и опоры на результаты и способы этого познания в случаях манипулятивно-конструктивных вмешательств в различные телесные структуры и связанные с ними «зоны человеческого существования». Применяемые с большим успехом биомедицинские технологии искусственной репродукции, генетической инженерии, донорства органов, протезирования и реконструкции¹⁵, реанимации, диагностики смерти мозга, эвтаназии и т.д. несут в себе риски и биологического,

¹⁵ Генетическая инженерия и некоторые виды протезирования часто ассоциируются с *enhancement* - практиками *улучшения*, то есть процедурами, не имеющими очевидной терапевтической необходимости.

и философско-антропологического, гуманитарного характера. Эти риски предстают как своеобразные ограничители биотехнологических воздействий, налагаемые и самой природой. «Пограничные зоны» человеческого существования служат своеобразной матрицей, позволяющей сгруппировать биомедицинские технологии, а также прояснить границы *человеческого*. Так, в **репродуктивных технологиях** этими ограничителями выступают как собственно медицинские осложнения (повышенный риск онкозаболеваний у детей, циркуляторные расстройства сердечно-сосудистой системы, врожденные дефекты, недостаточно прояснённые долгосрочные эффекты), так и аргументы философского плана (моральный статус эмбриона, моральность донорства эмбрионов, проблема анонимности доноров половых клеток, экономические следствия ЭКО и ПИГД для общества). **Генетическая инженерия человека** в настоящее время разделяется на два направления - соматическая генетическая терапия и технологии зародышевого пути - последнее из которых вызывает наиболее серьезные опасения, острые дискуссии и законодательные запреты. Как соматическая генетическая терапия, так и технология зародышевого пути (или терапия половых клеток) предполагает изменение индивидуальных генетических характеристик. В случае последней процедуры трудно провести грань между *лечением* и *улучшением* и данная технология открывает самые широкие возможности *конструирования* человека, последствия которого непредсказуемы в биологическом и социально-политическом отношении. **Донорство органов и тканей**: в отношении него обнаруживаются серьёзные препятствия медицинского - опасность заражения реципиента «чужеродными» микроорганизмами и вирусами - и философского характера - повреждение *природы* человека, утрата метафизической целостности и идентичности¹⁶, а также моральные проблемы, метафизической целостности и идентичности, а также моральные проблемы, возникающие при необходимости получения эмбриональных стволовых клеток

¹⁶ Подробнее см.: Б. Г. Юдин. Человек как объект технологических воздействий// Человек, 2011 № 3. С. 5-20.

¹⁷ М. Кожевникова. Проблемы природы человека в контексте развития биотехнологии. Диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук. Москва, 2013.

(ЭСКЧ). Прочие перечисленные выше биотехнологии также обременены проблемами медицинского и морального характера.

2.3. *Философский дискурс о природе человека: между онтологией и этикой*

Философской антропологии как «региональной онтологии» (М. Хайдеггер) присущ свой набор онтологических идей, на основании которых создается онтологическая структура человека, характеризующая его природу. Поскольку идентичность соотносится с природой человека, то необходимо определить основания человеческого бытия, природу человека с точки зрения её компонентов и таким образом установить структуру идентичности. Природа человека рассматривается как множество компонентов, некоторые из которых с позиции классической философии принимаются как константы. В рамках многоуровневых схем эти компоненты располагаются в трех сферах: физической (биологической), метафизической (этико-аксиологической) и социальной. Представлена палитра антропологических идей от античности и до наших дней. Конститутивными для идеи природы человека, полагаем, являются следующие феномены. *Тело*. Оно первично при феноменологическом восприятии человека и обладает собственной выразительностью через позы, жесты, мимику. Все мы «принадлежим» телу с точки зрения зависимости ментальных процессов от телесных состояний. В христианской религии тело предстает как «иное», которое надо «усмирять» и спасать, дабы достичь истинной цели человеческого существования. Противоположность полов имеет в первую очередь телесную артикуляцию. Тело имеет решающее значение как «фактор конструирования идентичности» (Т.А. Сидорова) в таких противоположных модусах человеческого существования, как спорт и инвалидность. *Органы*, чаще всего сердце и кровь, предстают в разных культурах как антропологические символы, а также имеют метафизическую интерпретацию (к примеру, в христианстве). В современной ситуации биологизации человекознания и медиализации культуры *гены* становятся неотъемлемой частью конструкта «природа человека» (М. Кожевникова).

Субъект. Его сущностными характеристиками (помимо гносеологического плана) являются рефлексивность, воление, активность, моральная самодетерминация. В антропологическом отношении интерпретируется как «Я», которое находится на границе реального и идеального, метафизическое начало в структуре личности.

Душа и дух. В религиозных концепциях выступают как самостоятельные субстанции, фундирующие связь человека с Абсолютом (Богом). Символизируют беспредельность человека. С точки зрения христианства (современный католицизм) наделение индивидуальной душой происходит в момент естественного зачатия человека. Также указанные феномены рассматриваются как основания для определения смысла жизни. Концепт «человеческое достоинство» (Human Dignity) по сей день не имеет однозначного толкования, тем не менее, он регулярно фигурирует во многих социально-правовых актах, декларациях и конституциях¹⁸. Понятия «человеческое достоинство» (human dignity) и «человеческая целостность» (human integrity) широко используются в правовых, медицинских, религиозных и философских контекстах. Понятие «человеческое достоинство» укоренено как в религиозной, так и в философской традиции, и эти традиции обосновывают человеческое достоинство соответственно различию их онтологий. *Деятельность* как форма и основание человеческого существования выступает как сплав телесного и духовного в человеке и имеет своим исходным пунктом сферу идеалов, ценностей и смыслов. В деятельности осуществляется самоконституирование человека и создание им общественной истории. Наконец, *страдание и смерть* являются не только телесными, но и этическими и аксиологическими феноменами, необходимыми для свершения человека, как в гуманистических (экзистенциализм), так и в религиозных концепциях. Проблематизация страдания и смерти в биоэтике позволила обогатить онтологию человека, а также привела к формированию новых социально-этических институтов гуманизирующих эти феномены

¹⁸

Всеобщая декларация прав человека (1948), Всеобщая декларация о геноме человека и правах человека (1997), Всеобщая декларация о биоэтике и правах человека (2005).

человеческого бытия. Перечисленные элементы располагаются на разных уровнях человеческого бытия и могут быть объединены в определенные структуры, как структуры идентичности.

Глава 3. Концептуализация идентичности в делиберативных дискурсах

3.1 Делиберативные основания современной биоэтики

К настоящему времени сложились два модуса биоэтики - биоэтика как социальный институт и как академическая дисциплина. Как в первом, так и во втором случае биоэтика формируется под существенным влиянием социокультурных факторов. При этом в биоэтическом дискурсе обнаруживается разрыв двух сфер - теоретической и практической. Практическая эффективность биоэтики связана с её *делиберативными* основаниями, которые определены уже тем, что решаемые проблемы связаны с *общечеловеческими* ценностями. Такими ценностями, в первую очередь, выступают жизнь, смерть, страдание, счастье, здоровье. Очевидно, что как человеческие ценности они не могут быть нацело научно эксплицированы. Да и в рамках философской теории ценностей присутствует множественность способов их осмысления. Делиберация как феномен и как норма сущностно связана с политикой, с практиками демократического устройства общества. Как полагают западные теоретики (политологи и моральные философы), делиберативная демократия способствует улучшению демократии и качества управления обществом, а также способствует возрастанию знания в ходе делиберативного процесса. Основным постулатом делиберации, определяющим её специфику, выступает следующее утверждение: все, кого затрагивают обсуждаемые решения, имеют равные права и возможности принимать участие в делиберации, то есть никого нельзя исключить из процесса обсуждения в принципе. В этой ситуации био-власть, как показал П.Д. Тищенко, переходит в руки *публики*, становится *рес-публикой*, то есть «делом» сообщества

профессионалов и профанов, в котором позиции всех уравниваются. Делиберативная модель сформировалась под влиянием факторов социально-экономических (либерализм, индивидуализм, экономоцентризм) и религиозных (протестантизм). Делиберативная модель сущностным образом связана с рыночной экономикой, с концепцией «экономической» демократии в которой граждане как потребители в рыночной экономике, имеют право знать всё о предлагаемом товаре и свободно распорядиться своими деньгами. Пациенты в экономической модели рассматриваются как потребители, а научное сообщество начинает функционировать по «законам рынка», рекламируя биотехнологические «чудеса» и образы пост-современного человека. В этом состоит первый негативный аспект делиберативной модели. Второй же заключается в том, что продвигаемые в делиберативной модели идеология «консенсуса» и акцент на *процедурности* (Ю. Хабермас, Х. Тр. Энгельгардт (мл.)) являются выражениями современного релятивизма, в данном случае - в сфере морали и ценностей. Таким образом, раскрывается диалектика делиберативной модели биоэтики, которая, с одной стороны, позволяет произвести реинтеграцию и стабилизацию идентичности, но с другой стороны, способствуют пониманию идентичности как социальной конструкции.

3.2. *Идентичность сквозь призму моральных дилемм*

Современные биомедицинские технологии, помимо реализации идеи здоровья, в большинстве случаев осуществляют преобразование человеческого в человеке, что, однако, получает неоднозначную оценку у представителей различных социальных групп и культур. В связи с этим в последние десятилетия в биоэтическом поле сформировался своеобразный кластер наиболее актуальных проблем биотехнологий. Мы попытались концептуализировать структуры идентичности, анализируя полемику по проблемам а) репродуктивных технологий, б) так называемых «технологий улучшения человека» (human enhancement technologies), в) эвтаназии и критерия смерти мозга, а также г)

полемику вокруг практик «предварительных распоряжений» (advance directives). Многосторонняя критика (или обсуждение) самых радикальных биотехнологических манипуляций с материальными структурами человека обнажает донаучные и научные аргументы, интуитивные идеи, социокультурные предрасположенности в отношении представлений о природе человека и его идентичности. Таким образом, как важные элементы идентичности предстают гены, природное тело, дух и душа, а также фундированное ими понятие «личность» (с религиозной точки зрения), субъективность, свобода самоопределения, деятельность, в которой кристаллизуется личностное бытие. Advance directives становятся действенными тогда, когда пациент более не способен принимать решения в отношении его медицинского обслуживания в ситуациях, требующих не только тактического, но и стратегического выбора. В последние десятилетия в фокусе «предварительных распоряжений» по-новому проблематизируются вопросы эвтаназии, донорства и «биологической благотворительности», границы автономии личности и идентичность. В биоэтической практике «предварительных распоряжений» обнаруживаются фундаментальные антропологические практики: advance directives предстают как экзистенциальный *проект себя*, выражающий устремленность к будущему, озабоченность этим будущим; advance directives концептуализируют идентичность в русле коммуникативной стратегии. В модусе нарратива «предварительных распоряжений» основанием самоидентификации становится в целом жизненная история личности и частные, но теперь связанные биомедицинским дискурсом, феномены страдания - физического, психологического и социального. Представлен обзор концепций идентичности в биоэтической теории, а именно концепции Р. Дворкина (Ronald Dworkin), К. Ричмена (Kenneth A. Richman), Д. ДеГрация (David DeGrazia), К. Корсгаард (Christine M. Korsgaard) и Д. Парфита (Derek Parfit). На основании рассмотрения биоэтической практики «advance directives» («предварительных распоряжений») и указанных концепций идентичности предложен концепт *практическая*

идентичность, который инкорпорирует основные из рассмотренных выше реалий и предстает как синтез телесных и духовных аспектов человеческого бытия, центрированных экзистенциальными феноменами и прагматикой жизненного мира.

Глава 4. Социокультурная динамика и проблема идентичности человека

4.1. «Власть-знание», идеология и биотехнологии

В рамках данного исследования наиболее релевантными в отношении развития науки и техники представляются идеи М. Фуко и Ю. Хабермаса. В критике науки и техники и, в частности, биотехнологий позиции М. Фуко и Ю. Хабермаса, на наш взгляд, несколько различны. М. Фуко близок к умеренно либеральной позиции и его в большей степени занимают проблемы *противостояния* индивидов различным формам рациональности, которые воплощаются в исторически изменчивых социальных институтах. Юрген Хабермас в ранний период своего творчества наследует традиционную для Франкфуртской школы констелляцию умеренно «левых» взглядов, гуманистической критики науки и техники и акцента на совершенствовании общественных отношений. Теории (или науки) становятся властью, организуют деятельность людей, внедряясь через технику, в модусе подчинения, распоряжения и управления. Но, как замечает Ю. Хабермас, «умения распоряжаться, которыми обеспечивают эмпирические науки, невозможно перепутать с потенциалом просвещенного действия. Власть технического распоряжения природой, ставшая возможной благодаря науке, распространяется сегодня непосредственно на общество» . Науке и технике Ю. Хабермас нетривиальным образом противопоставляет демократию, понимаемую в делиберативном смысле. Ресурсом демократических делиберативных механизмов должен стать жизненный мир, который противостоит сфере экономики, политики

19

¹⁹ Ю. Хабермас. Технический прогресс и социальный жизненный мир/ Хабермас Ю. Техника и наука как «идеология». М., 2007. С. 126.

и администрирования и имеет свою особенную конституцию. М. Фуко становление таких феноменов как *био-власть* и *биополитика* связывает с *либерализмом*. Био-власть и биополитика как показывает М. Фуко, возникли одна за другой и одна на основе другой. Био-власть с момента своего появления была центрирована на индивиде. Появление *биополитики* совпадает по времени с развитием на Западе индустриального капитализма и связано с проблемой «населения», которая размещается в поле экономики, политики и биологии. Именно эта матрица мультиплицируется в XX и XXI вв., всё более «рационализируя» биополитику. Биополитика обращена к родовому человеку и её задачей является «оптимизация» жизни на глобальном уровне. Необычность этого феномена состоит в том, что государство, анонимная *власть* обнаружила новый горизонт своего интереса и хочет «дисциплинировать» целые слои населения, поставить под контроль «производство» индивидов исходя из некой всеобщей цели²⁰. Таким образом, биополитика предстаёт одной из исторических *техник создания человека*. На рубеже XX-XXI веков био-власть переместилась из далеко отстоящих «пространств» науки и государственной политики в одно общее пространство *жизненного мира*. Через технологизированный жизненный мир осуществляется влияние на индивидуальное сознание, которое ещё больше теряет свою *свободу*, становясь осознанием объективных детерминаций, раскрываемых биотехнологиями. При этом биотехнологии предлагают новые варианты реализации индивидуальной свободы. Но за видимостью демократических процедур обсуждения, исходящих из горизонта жизненного мира, скрывается антидемократическая тенденция био-власти к технологическому контролю и управлению.

С наибольшей отчетливостью такие всеобщие цели, которые «дисциплинируют» общество и делают его однородным поверх всяких социально-культурных различий, стали выдвигаться в XX столетии. Их историческая изменчивость в значительной степени обусловлена развитием техники и технологий. В настоящее время такой общей целью стала «общественная безопасность», которая реализуется с опорой на биотехнологии. См.: Дж. Агамбен. *Номо сасег. Чрезвычайное положение*. М., 2011.

4.2. *Варианты пост-человеческой идентичности*

Оформление пост-человеческой идентичности связано с внезапно открывшейся перспективой самой радикальной реализации *свободы* в эпоху постмодерна. Свободы не только от власти исторических традиций, но и от природных детерминаций. В философском плане постмодерн активно взялся за пересмотр основных идей, составлявших каркас европейской философии - идеи субъекта, разума, прогресса, человека. Среди них оказалась и идея *природы*, которая фундировала целую систему других интуитивно и дискурсивно связанных идей, в первую очередь относящихся к человеку. Для постмодерна *природа* предстала чем-то костным, устойчивым, фундирующим различия и накладывающим ограничения на произвольность конструирования. По выражению Энтони Гидденса, природа стала «институтом-пустышкой» в эпоху глобализации²¹, то есть тем, что более не выполняет своих традиционных задач. В антропологическом плане постмодерну присущ «телоцентризм», при этом тело утрачивает свои прежние связи - с природой (биологической историей Земли), с душой, логосом, Богом. Остается единственная связь с совокупностью таких же безличных социально детерминированных тел, причем с развитием виртуальной сферы и робототехники тела живые и неживые (предметы, объекты) утрачивают прежнее основание для различения. Они попадают в одно манипулятивно-конструктивное пространство, где в связи с негацией природы и её детерминаций²² создается полная свобода для де-конструкции, ре-конструкции и деструкции. Для постмодернистов «тело без органов», бескачественное тело представляется пространством для конструирования и в этом смысле - реализации своей свободы. Утверждения о том, что тело фрагментарно и множественно, подкрепляются разными моделями тела, приобретающими идеологическую навязчивость.

²¹ Э. Гидденс. Ускользящий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М., 2004.

²² П.Д. Тищенко. Биотехнологическая ре-де-кон-струкция человеческого в человеке: казус сексуальности/ Биоэтика и гуманитарная экспертиза. Вып.3. М. 2009. С. 119-138.

Конструктивистские и деконструктивистские замыслы имеют своим основанием «коды» постиндустриальной эпохи, «информационного общества». Этими новыми «кодами» стали атомизация, релятивизация, виртуализация, глобализация и экономоцентризм. В рамках глобализации и экономоцентризма продвигается антропологическая модель *homo oeconomicus*, к тому же наиболее релевантная

23

либеральной идеологии. На примере некоторых концептуальных разработок мы видим, как проекты биотехнологического конструирования человека постепенно утрачивают абстрактность и утопичность, поскольку становятся предметом прагматического интереса бизнеса и социально-экономических программ государства. Структуры жизненного мира, *ближнего* мира, *подручного* мира становятся инфантильными под давлением технологизированных структур, основанных на логике инструментальной рациональности. Мы полагаем, что и структура идентичности будет редуцирована до нескольких элементов, которые значимы в рамках модели *homo oeconomicus*, то есть переходят в режим коммодификации и доступны биотехнологическому конструированию. Таковыми становятся *тело, органы и гены*. Биотехнологические вмешательства постепенно получают определенную обусловленность со стороны политико-административных структур и бизнеса, и избирательно концентрируют свою прагматику на элементах природы человека. Тем самым, имплицитно оформляется идентичность *пост-человека*, то есть человека пост-гуманистической эпохи. В сознании индивидов укореняется идея, что благодаря генетической инженерии возможно произвольным образом конструировать как телесные, так и ментальные характеристики человека с расчетом на достижение наибольшей *эффективности* без учета социальной структуры общества, социально-педагогических институтов, политических преобразований. При этом категория *универсальной деятельности* и связанная с ней «практическая идентичность» утрачивают свою ценность.

²³ См.: Human enhancement and the future of work. Report from joint workshop hosted by the Academy of Medical Sciences, the British Academy, the Royal Society. 2012. Эл. ресурс: www.acmedsci.ac.uk/viewFile/publicationDownloads/135228646747.pdf

В Заключении подводятся итоги диссертационного исследования.

Основное содержание и результаты диссертации отражены в следующих публикациях в периодических научных изданиях, рекомендованных ВАК РФ:

- 1) Лановский М.Ф. Современный проект «заботы о себе»// Человек 2012, №6. С. 116-124;
- 2) Лановский М.Ф. Красота без истины: косметическая хирургия и философский дискурс о природе человека// Психология и психотехника 2014, №3(66). С. 275—281;
- 3) Лановский М.Ф. «Жизненный мир» как «медиум» социально-антропологического взаимодействия// Философия и культура 2014, №7(79). С. 1020-1027.
- 4) Лановский М.Ф. Делиберативная модель биоэтики: гуманитарная конвергенция или социальная технология для либеральных обществ// Философия и культура 2016, №2(98). С. 236-244.